

С. И. Кимайкин

ТРАКТОВКА ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ В РУССКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

УДК 371.4

ББК 74.03

В статье определяются теоретические основания русской педагогики конца XIX — начала XX века, идея воспитания как единственно возможный путь к восстановлению подлинной человеческой личности.

Ключевые слова: русская педагогическая мысль конца XIX — начала XX века; особенности воспитания в теориях Н. Ф. Бунакова, К. В. Ельницкого, В. П. Вахтерова, П. Ф. Каптерева, В. С. Соловьева.

S. I. Kimaikin

TREATMENT OF EDUCATION OF THE PERSON IN RUSSIAN PEDAGOGICAL THOUGHT OF THE END XIX – THE XX-TH CENTURY BEGINNINGS

In article the thought for Russian pedagogics of the end is traced XIX-has begun the XX-th centuries - idea of education as unique way to restoration of the original human person.

Keywords: Russian pedagogical thought of the end XIX-has begun the XX-th centuries; features of education in N.F.Bunakova, K.V.Elnitsky, V.P.Vahterova, P.F.Kapтерева, V.S.Soloveva's theories.

В российском педагогическом пространстве конца XIX — начала XX вв. воспитание рассматривается как единственно возможный путь к восстановлению подлинной человеческой личности, при этом в традициях русской философской мысли в педагогике воспитание определяется прежде всего как вид духовных общественных

отношений. Проблема воспитания духовной личности рассматривается большинством философов, педагогов, психологов того времени, вместе с тем у представителей гуманитарного знания в мировоззренческих системах объекты воспитательного воздействия заметно различаются.

Мощным фактором, влияющим на

развитие теоретико-методологических основ педагогики и профессиональное самосознание учительства, становятся самобытные идеи русской философии. Философско-педагогические концепции влияют на развитие гуманитарного знания и общественной мысли, находя свое отражение в образовательной практике и определяя координаты социально направленной деятельности российского учительства.

Специфика русского философствования проявляется в преобладании нравственно-практического и художественного методов познания мира, выраженной практико-ориентированной направленности философских размышлений; соотношении всего происходящего с нравственными законами, ярко выраженном гуманистическом пафосе, осуждении холопства и тирании. История философии, философия политики, нравственная проблематика занимают ведущее место в работах русских философов-идеалистов. Оригинальное решение проблем человека и общества, выраженный антропоцентризм русской философии не могли не отразиться на российской педагогической теории начала XX столетия. Идеи всеединства как особого гармоничного строя мира, в котором примиряются самые противоположные или конфликтующие элементы и стихии; софиологии (учение о Софии как мудрости Божьей, Мировой душе, как особой красоте мира); уникальности русского народа и России, призванной снять крайности деспотичного Востока и индивидуализм, вседозволенность Запада; богочеловечества (обретение

этого статуса возможно, если следовать высоким идеалам христианства) во многом определили направления педагогического поиска.

Наряду со стремлением к познанию сущности мировой цивилизации, места и роли в ней России, отечественная философия уделяла первостепенное внимание проблемам человека, теории сознания и духовно-творческой деятельности. Признавая человека эпицентром культуры, ее высшей духовной ценностью, русские философы подчеркивали, что путь духовного самосозидания каждой отдельной личности неповторим, индивидуален, поскольку человек «есть личный дух». В истории России, пожалуй, не было такого периода, в котором интеграция философских идей и теории воспитания привели к формированию целостной теории «нового гуманизма», вышшим статусом которого является свобода выбора, центральным понятием педагогического процесса — личность, а главной задачей — духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения, развитие в ребенке «сил добра» [4. С. 265].

Проблема нравственного воспитания личности по-разному отражалась в теориях каждого из представителей русской педагогической мысли. Так, ортодоксальные взгляды К. В. Ельницкого представляли синтез религиозных воззрений с огромным опытом организации школьного дела. К примеру, говоря о категориальном разделении «многообразных проявлений душевной жизни человека», он рационалистично выделяет «проявле-

ния умственной деятельности», «проявления чувствований», «проявления желаний или воли», что не мешает ему в дальнейшем утверждать: «Укрепляя волю воспитанников, необходимо также заботиться о нравственном направлении ее (нравственном воспитании)».

По его глубокому убеждению, в основание воспитания нравственности должно быть положено учение Спасителя и требования христианской церкви. Слова Спасителя: «Люби Господа Бога твоего и ближнего своего, как самого себя», «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный» — должны служить неуклонным началом при нравственном воспитании питомцев» [2. С. 58].

Христианская составляющая, по мысли К. В. Ельницкого, должна и может быть определяющей в процессе воспитания ребенка. Здесь следует подчеркнуть, что именно христианская, а не ветхозаветная, как это было в церковный и государственный период развития русской педагогики. Это становится ясным при осмыслении предлагаемых им условий «успешности нравственного воспитания»: «Для успешности нравственного воспитания питомцев необходимо развивать в них а) религиозность, б) послушание и исполнительность, в) уважение к своему долгу, г) правдивость, д) сочувствие к другим лицам» [2. С. 59].

По меньшей мере, две из названных К. В. Ельницким позиций *напрямую* восходят к соответствующим позициям евангельского текста. Это не отрицается и самим автором, по-

тому что далее он раскрывает смысл предлагаемых им условий следующим образом: «Воспитание религиозности способствует нравственному воспитанию питомцев, так как религия требует нравственных проявлений. Высшие подвиги самоотверженной любви и милосердия к ближним были совершены во имя учения Спасителя и требования христианской религии»; «Следует воспитывать питомца таким образом, чтобы он чувствовал свою связь с другими лицами. <...> Сюда же относится также воспитание чувства жалости и сострадания к другим. Это чувство возбуждает желание облегчить участь страдающих и нередко служит побуждением к совершению высоконравственных действий» [2. С. 60].

Остальные требования, если не по форме, то по духу своему также вполне комплиментарны идеалам христианской педагогики. Так, воспитание послушания в итоге должно позволить «питомцу в зрелые годы... исполнять требования закона или нравственного долга» [2. С. 59], а это вполне соответствует евангельскому установлению о том, что богу богово, кесарю — кесарево. Кроме того, К. В. Ельницкий при определении духовных потребностей воспитуемого считает первостепенными именно религиозную и нравственную потребности, и только потом — умственную и эстетическую. При этом религиозная потребность откровенно истолковывается в богословском ключе и необходимо предполагает воспитание смиренномудрия как основы участия в божественном

домостроительстве с целью собственного восстановления.

Особое внимание проблемам нравственного воспитания уделяет В. П. Вахтеров. В работе «Нравственное воспитание и начальная школа» проблемы формирования нравственного идеала уже на начальном этапе становления личности занимают центральное место. Умеренная религиозность автора очевидна, но в отличие от К. В. Ельницкого, В. П. Вахтеров переходит «к области явлений, имеющих мало отношения к семье и преобладающих в школе» [1. С. 170].

Данная «область явлений» имеет непосредственное отношение к сфере внутренней мотивации человека: «Если мы заглянем в себя, то мы найдем в своей душе неодолимые наклонности, пружины, то инстинктивно толкающие нас навстречу ближнему, <...> то соединяющие людей узами сознательной привязанности <...>. Мы верим, что мы любим людей, жалеем их, желаем им добра и что они нас тоже любят, что им не чуждо великодушие, милосердие, сожаление и преданность. Это — любовь к ближнему, по одной терминологии, это — социальные или общественные чувства по другой» [1. С. 170].

В процитированных строках, по нашему мнению, как нельзя лучше отразился синтетический характер русской философско-педагогической мысли, а также ее умение находить гармонию в, казалось бы, непримиримых идеях, позициях, воззрениях.

Утверждая общественный характер человеческого существа во всех сферах

его жизнедеятельности, в том числе и нравственной сфере, В. П. Вахтеров отмечает: «...если бы человек жил вне общества, не существовало бы самого понятия о нравственности», указывая на то, что нравственность есть «цемент», «связующий людей друг с другом в целые общества» [1. С. 170].

Объединяя эти положения, ученый констатирует: «Мы радуемся радостям ближнего, мы горюем его печалем, мы сознаем необходимость заботиться о нем, мы готовы для него на некоторые жертвы.

И мы убеждены, что развитие этих чувств представляет важнейшую, наиболее существенную задачу в нравственном воспитании. <...>

Современным идеалом служит учение Христа о том, что все люди братья, что для нас не должно быть ни эллина, ни иудея, что каждый человек — наш ближний»; «те связи, какие раньше соединяли только членов одного клана, позже людей одного племени, еще позже подданных одного государства, мы делаем попытки перенести на всех людей, на все человечество. Но по существу это одни и те же связи, и в области чувств им соответствуют общественные задачи, побуждающие нас жить для другого» [1. С. 170—171].

Фактически, в данном тезисе евангельская проповедь кардинально переосмысливается и вносится в систему соответствий религиозного, педагогического и социального идеала. В данном контексте особую значимость приобретают те положения, которыми В. П. Вахтеров завершает свой труд,

некоторые из них полностью (или частично) повторяют принципы «воспитания христианина для его участия в божественном домостроительстве»:

«1. Задача воспитания не подавлять даже эгоистических желаний, а развивать их в гармонии с общественными стремлениями; не бороться с стремлениями к личному довольству, а только согласовать их с общественными целями».

2. Будем поднимать личность ученика, развивать в нем чувство человеческого достоинства и чувство чести; но в то же время чаще направлять ум его к великодушным образам».

3. ...Ученику трудно будет возвыситься до представления таких отвлеченных понятий, как народ, отечество, человечество. Ему нужно на первых порах что-нибудь конкретное, ясно представляемое. И таково для него семья, школа, деревня, фабрика, может быть, волость.

4. Жить для общества, возможно точнее определить и возможно лучше выполнить свою роль в общественной жизни, но в то же время жить и для себя, чтобы тем успешнее была наша общественная работа, — такова задача нравственного воспитания» [1. С. 240–241].

Таим образом, идеи В. П. Вахтерова о нравственном развитии ученика конгруэнтны ценностно-смысловому пространству и базовым положениям заповедей блаженства и Нагорной проповеди. При этом ключевым моментом в воспитании смиренномудрия является гармония личного с общественными стремлениями, что под-

разумеает осознанное ограничение свободы воли.

Займствование В. П. Вахтеровым христианских идей о взаимоотношениях человека и божества в божественном домостроительстве очевидно, но вместе с тем, имеет качественное отличие — вместо верховного существа обществу отводится главная роль.

Воспитание нравственности как необходимого условия восстановления личности становится важнейшим предметом исследования в мистико-христианском направлении философской мысли. И здесь центральное место, без сомнения, занимает фигура В. С. Соловьева, который представляет концепцию объединения «небесного» и «земного» в деле воспитания человека на пути к его восстановлению. В отличие от представителей педагогической мысли, философ не обращается непосредственно к ребенку. Для него, как мистика, главным является восстановление определенной степени «детскости» в личности. Впрочем, ту же самую цель преследовал в процессе «научения» народа и Спаситель.

Однако у В. С. Соловьева базовые принципы евангельской педагогики приобретают достаточно своеобразный вид. На первый план выдвигается система понятий, среди которых главное место занимает понятие нравственности. Воспитание последней достигается в первую очередь через установление особых связей в семье. Причем, согласно В. С. Соловьеву, «нравственное отношение детей к родителям, напротив, не только не определяется равенством, но имеет

даже прямо обратное значение — оно основывается на признании того, в чем эти существа *неравны* между собою. И психологическою основой нравственного отношения здесь первоначально не может быть участие в чужом страдании (жалость), так как родители непосредственно являются для ребенка не со стороны их нужды в чужой помощи, а со стороны их собственной помогающей силы в его нуждах» [З. С. 170].

Как не парадоксально, но именно у В. С. Соловьева, который в своих творческих исканиях достаточно сильно трансформирует христианские первичные принципы, в основе нравственного воспитания оказывается ортодоксальная христианская схема взаимоотношений родителя и ребенка. Жесткая иерархия, а не декларация изначального равенства становятся у В. С. Соловьева основой создания подлинно нравственных отношений.

При этом для мыслителя семья есть неполный, усеченный аналог будущего полноценного, цельного, воспитанного человечества. «*Потому* и существует, — как он считает, — внешняя, временная преемственность поколений», ибо «бра́к не достиг своего совершенства», «соединение индивидуальных мужчины и женщины недостаточно духовно и полно, чтобы внутренне возродить в них целого человека по образу и подобию Божию» [З. С. 492].

«Но, — продолжает далее В. С. Соловьев, — это *потому* оказывается вместе и *для того* — именно для того, чтобы задача, оказавшаяся непосиль-

ною этому индивидуальному человеку (мужчине и женщине), была им все-таки осуществлена косвенно, чрез идущий от него же ряд будущих поколений. Таким образом, восстанавливается внутренняя полнота и самоцельность семьи, за человеком, хотя бы и несовершенным, остается безусловное значение, и пребывает непрерывною солидарная связь между временными членами идущего в вечность жизненного ряда» [З. С. 492–493].

С учетом приведенных высказываний философа заметим, что для В. С. Соловьева семья есть не только мистическое, но и вполне конкретное понятие, предполагающее брак, половую любовь, рождение детей и их последующее воспитание. Но главная доминанта нравственной философии оказывает свое влияние и на эту сторону соловьевских рассуждений. Нравственное воспитание у В. С. Соловьева все больше утрачивает актуальный характер, превращаясь в идеал, реализации которого должны быть посвящены усилия человечества, если оно желает получить искомое восстановление.

Вечность наших заключений подтверждается словами самого В. С. Соловьева, который считает, что «в семье духовно-организованной отношение родителей к детям имеет главным образом в виду безусловное назначение человека, цель воспитания здесь состоит в том, чтобы связать временную жизнь этого будущего поколения с верховным и вечным благом, которое есть общее для всех поколений, в котором деды, отцы и дети нераздельно

единосущны между собою; ибо Царство Божие может стать явным и воскресение жизни может совершиться только чрез упразднение временного распада человека на исключаящие друг друга, одно другое из жизни вытесняющие поколения» [З. С. 494].

Таким образом, при значительных методологических различиях концептуальных положений крупнейших представителей российской науки,

их интегративной характеристикой и важнейшим принципом становится гуманистический характер воззрений на развитие личности, в котором смысл жизни связывается со служением другим людям, с уважением к человеческому достоинству и с заботой о благе людей, а одним из центральных идеалов становится нравственность, определяющая «степень развития человеческого в человеке».

Список литературы

1. Вахтеров, В. П. Нравственное воспитание и начальная школа / В. П. Вахтеров. — М. : Изд-е журнала «Русская мысль», 1900. — 211 с.

2. Ельницкий, К.В. Основы начального школьного воспитания и обучения / К. В. Ельницкий. — СПб. : Изд-е Д. Д. Полубояринова, 1899. — 531 с.

3. Соловьев, В. С. Оправдание добра / В. С. Соловьев // Нравственная философия. — М., 1990. — Т. 1. — С. 99—100.

4. Уткин, А. В. Генезис миссии учителя в истории отечественного образования XVIII — начала XX веков: монография / А. В. Уткин. — Нижний Тагил : НТГСПА, 2010. — 320 с.